

Н.П. Карабчевски

Что глаза мои видели

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.П. Карабчевски**
Что глаза мои видели / Н.П. Карабчевски – М.: Книга по Требованию, 2021. –
168 с.

ISBN 978-5-517-83571-0

Что глаза мои видели.

ISBN 978-5-517-83571-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

работѣ, не будь его эксцесовъ, съ пожарами и террористическими актами, открывался уже значительный просторъ. Его антикультурныя проявленія достаточно охарактеризованы въ «Бѣсахъ» Достоевскаго, чтобы интеллигенція, жаждавшая во что бы то ни стало «великой» революціи для Россіи, могла считать себя непредупрежденной относительно неизбѣжности тѣхъ отвратительныхъ ея послѣдствій, которыя вылились теперь. Рядъ террористическихъ актовъ, которымъ на протяженіи многихъ лѣтъ сочувствовала, если не поощряла «интеллигентная» Россія, въ концѣ концовъ, не принося никакой практической пользы, только развращала народныя массы, разнуздывала ихъ совѣсть, давала образчикъ самоуправныхъ, кровавыхъ расправъ, якобы неизбѣжныхъ, въ поступательномъ историческомъ движеніи націи.

Оговариваюсь, разъ и навсегда, относительно абсолютизма нашей монархіи, правительства и всего того, что правило народомъ официально и, якобы, властно. Все это было въ огромномъ большинствѣ своемъ ниже всякой критики, не только внѣ всякой опредѣленной программы, но и малѣйшей продуманности. Непониманіе собственныхъ интересовъ правящихъ, сталкивающееся съ такимъ же непониманіемъ интеллигенціи и ея неумѣніемъ исповѣдывать не однѣ революціонныя мечты, а мирно-просвѣтительныя задачи, приводило къ тупо-кровавому упрямству съ той и съ другой стороны, оставляя реально-насущенные интересы страны внѣ этой вѣчной борьбы правительства съ революціонно-натасканной, разъ навсегда, интеллигенціей.

Когда мы говоримъ теперь, заднимъ числомъ, о нашихъ «тиранахъ монархахъ» становится и стыдно и смѣшно. Они могли бы быть въ свое время тиранами и, пожалуй, хуже, что имъ не были, во вкусѣ Іоанна Грознаго. Это, по крайней мѣрѣ, заставило бы нашу «чеховскую» интеллигенцію, хотя-бы ради шкурнаго своего бытія, быть не тѣмъ кисельно-ноющимъ, сѣрымъ стадомъ, ожидающимъ спасенія отъ отдѣльныхъ мучениковъ террористовъ. Клики въ свое время любой «тиранъ» свой кличъ къ народу, посули ему хоть горсть тѣхъ обѣщаній, которыя пригоршнями разсыпали ему и наши думцы и наши революціонеры относительно раздачи земель, неплатежа налоговъ и прочее, и кромѣ царя и народа ни одной живой души не осталось бы въ Россіи. Всю интеллигенцію смело бы, какъ будто ее никогда не существовало.

Но, увы! — цари наши были и безпутными, и легкомысленными и недоумками, но тиранами, желающими сами со своими потомками, только уцѣлѣть на престолѣ, во что бы то ни стало, никогда не были. Три такихъ колосса мысли и чувства, какъ Пушкинъ,

Гоголь и Достоевскій, кончили тѣмъ, что поняли это, и провидѣли въ царѣ слугу народа, при условіи мирной и длительной ему подмоги, а не вѣчной разбойничьей травли изъ-за угла.

Царствование Александра II съ первыхъ же шаговъ было сплошною его травлею изъ-за угла, и не чему дивиться, что подъ конецъ его царствованія это уже былъ травленный заяцъ, а вовсе не самодержавный монархъ, не знавшій гдѣ и какъ искать опоры.

И самое убійство его Перовской и К^о. наканунѣ, какой ни на есть, «конституціи», могущей открыть брешь къ правильному политическому развитію Россіи, не было-ли все тѣмъ же характернымъ девизомъ нашей недисциплинированной интеллигенціи: «все или ничего!»

Только цари, приближавшіеся сколько нибудь къ типу «тирановъ», умерли у насъ своею смертью.

Удѣлявали до конца именно тѣ, которые отвѣчали: «ничего!»

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ сущности положеніе нашихъ самодержцевъ было всегда, болѣе или менѣе, трагически-жалкимъ.

Официально считалось, что русское дворянство — надежнѣйшая опора престола. Но о нашемъ, такъ называемомъ, дворянствѣ говорить нельзя иначе, какъ съ величайшими оговорками и въ этомъ, опять таки, великій грѣхъ Великаго Петра. Какъ ни какъ, но древнее боярство имѣло свои корни, свои заслуги, свою исторію, свой авторитетъ у народа. Оно барахталось и мужественно проявляло себя даже при Іоаннѣ Грозномъ. Правда оно не сзумѣло сдѣлать государственнаго дѣла, какъ это сдѣлало англійское дворянство захватившее свое временною всю власть въ свои руки и не во имя своихъ кастовыхъ интересовъ, а во имя блага страны. Но все-же въ боярствѣ были и близость къ народу и кое-какія нравственно-бытовые устои, которые безпощадно смела все та-же европейская метла Петра Великаго.

Созданное имъ и его потомками наше служилое дворянство, за небольшими исключеніями, все пошло отъ прислужниковъ и авантюристовъ, нерѣдко иноземнаго происхожденія, отъ любовниковъ нашихъ царицъ, отъ сводниковъ, наушниковъ и прочей царской челяди, искавшей только подачекъ у подножья трона.

Наслѣдственность довольно сомнительная. Чего же было ждать отъ такого «сословія»?!

При этомъ при завѣреніяхъ въ своемъ «патріотизмѣ» при официальныхъ случаяхъ, полное отсутствіе любви и всякой связи съ родиной.

Одаренные выше мѣры за счетъ Россіи, они проживали эти состоянія, большею частью, за границей, забывая о Россіи, картавя, коверкая и портя родную рѣчь.

У трона, оттѣснивъ родовитое дворянство, въ послѣднее время, тѣснилась стая случайныхъ людей, стоявшая плотной стѣной между царемъ и народомъ, и не было лжи и подвоха, къ которымъ эти молодцы не прибѣгали-бы, чтобы ослѣпить царя своими завѣреніями о «благополучіи Россіи».

Въ сущности наши «тираны» почти всѣ были безвольными тряпками, игрушками въ рукахъ тѣхъ, или иныхъ бюрократовъ, правившихъ Россіей. И наше «первое» сословіе вмѣсто мирной, но стойкой оппозиціи, охотно мирилось съ ними, кто бы они ни были, ради подачекъ и своихъ исключительныхъ выгодъ.

Стойкимъ «тираномъ» у насъ считался Александръ III.

На короткохвостомъ, но грузномъ конѣ, не русскаго типа, въ видѣ тяжеловѣснаго монумента, изобразилъ его Трубецкой. А въ сущности онъ все свое царствованіе проѣздилъ на доморощенныхъ безъуздыхъ соврасахъ, жадно отъѣдавшихъ на государственныхъ харчахъ.

Двое типичнѣйшихъ заправилъ этого царствованія: Муравьевъ и Витте. Къ концу царствованія Александра III ихъ недаромъ величали узурпаторами царской власти. Они непосредственно подготовили печальное царствованіе несчастнаго Николая, поплатившагося за вся и за всѣхъ.

Какъ же реагировало на ихъ своекорыстную политику наше дворянство, наше «первое сословіе»?

Приемная того и другого (какъ впоследствии у Распутина) всегда была набита именно просителями этой «красы и гордости» націи, но ничего не просили и не требовали они для страны, для народа, а исключительно клянчили выгодъ и подачекъ для себя.

Характерные примѣры бывали басней города.

Напримѣръ, исторія съ возстановленіемъ имущественнаго благоденствія рода князей Б. Не къ царю пошли они за этимъ, а къ Витте. Я зналъ адвоката, который «провелъ» это дѣло, онъ и повѣдалъ мнѣ какими психологическими путями и этапами интимнаго характера пришлось достигать благопріятнаго результата.

При содѣйствіи министра юстиціи Муравьева была учреждена Высочайшая опека, широко использовавшая казенныя субсидіи для частныхъ интересовъ. «Весь Петербургъ» скоро узналъ, «гдѣ зарыта собака».

Супруга всесильнаго финансиста, непринятая ко двору и бойкотируемая «высшимъ свѣтомъ», скоро стала показываться въ ложѣ чопорной княгини Б., и стала посѣщать княжескій дворецъ, о чемъ не смѣла мечтать раньше.

Это примѣръ только случайный.

И Витте и Муравьевъ, съ легкой руки Побѣдоносцева, были настоящими узурпаторами и развратителями самодержавной царской власти.

По формулѣ нашихъ «основныхъ законовъ» самодержецъ управляетъ Россіей «на твердомъ основаніи законовъ». Никто менѣе ихъ не стѣснялся ни законами ни традиціями. Одно время они были типичнѣйшими правительственными жонглерами, заботящимся исключительно объ удержаніи лично за собою власти, а съ нею вмѣстѣ и благъ земныхъ.

Если раньше неумно правили Россіей родовитые, но бездарные сановники, честные по своему, но не видѣвшіе дальше своего носа, то зато эти не могли не видѣть въ какую пропасть они ее ведутъ и, достойныхъ предшественниковъ Распутина не даромъ, изъ деликатности по иностранному, окрестили весьма нелестнымъ прозвищемъ къ концу правленія Александра III-го.

Но они, и имъ подобные, оставались еще долго у власти и при Николаѣ II-мъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Еврейскій вопросъ въ Россіи всегда былъ больнымъ мѣстомъ, не только нашей государственности, но и общественности.

Черта осѣдлости и всевозможныя правовыя ограниченія, парализуя для еврейской трудоспособной массы возможность ассимиляціи и органическаго приобщенія къ интересамъ Россіи, создавало внутри самого государства непримиримыхъ и весьма опасныхъ враговъ нашего государственнаго режима. На этой почвѣ процвѣтали и приемы деморализующаго характера, выработанные администраціей, обязанной проводить въ жизнь дробную регламентацію такого искусственнаго неравноправія.

Еврейская масса, отъ которой брезгливо отворачивалась «опера» трона и правящіе классы, сплошь бѣдствовала и бывала нерѣдко жертвою правительственныхъ экспериментовъ въ видѣ безсовѣстно диктуемыхъ погромовъ (напримѣръ, Кишиневскій погромъ при Плеве) и, въ то же время, еврейскія мощныя наудухуныхъ спекулянтовъ, набитыя при помощи казенныхъ воровскихъ поставокъ и столь же воровскихъ биржевыхъ и банковскихъ аферъ, властно позвякивали, пробивали себѣ дорогу рѣшительно всюду, гдѣ нужно было развратить и обезсилить власть, или нарушить законъ.

Интеллигентная еврейская молодежь, особенно болѣзненно страдавшая отъ подобной постановки въ Россіи «еврейскаго вопроса», естественно, стремилась увеличить собою потокъ кроваво-террористическихъ выступленій.

Въ сферѣ общественности, именно юридическое неравноправіе евреевъ, вело къ выработкѣ лишь двухъ крайнихъ, лишенныхъ вдумчивости и безпристрастія, отношеній къ «еврейскому вопросу». Извѣстные общественные элементы являлись поголовно непримиримыми юдофобами, нетерпящими самого духа еврейской націи, одобрявшими и погромы и самыя нелѣпныя репрессіи; лучшіе сознательно являлись юдофилами, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, брезгливо опасаясь, даже критикой отдѣльныхъ отрицательныхъ чертъ и личностей, унизиться до нанесенія удара лежащему.

Молчаливое соглашеніе по этому предмету, не всегда и не всѣми, истолковывалось и понималось правильно.

Противники евреевъ характеризовали его, какъ страхъ передъ еврейскимъ засильемъ въ сферѣ матеріальныхъ отношеній, иные же еврейскіе круги не прочь-бы усматривать въ этомъ просто слабость и невольное признаніе превосходства еврейской культуры.

Подъ шумокъ такихъ настроеній, напримѣръ, русская прекрасная рѣчь безнаказанно загромождалась въ повседневной печати иностранно-еврейскими вывертами и словечками, а сфера дѣловыхъ и матеріально-экономическихъ комбинацій и отношеній, почти безъ боя и должной конкуренціи, уступалась въ распоряженіе еврейскихъ дѣльцовъ.

Юридическое безправіе еврейства, обязывавшее русскую интеллигенцію, по чисто моральнымъ основаніямъ, къ значительной пассивности въ дѣлѣ оцѣнки даже явно отрицательныхъ явленій, получало сплошь санкцію какой-то торжественной апологіи еврейства.

Благодаря такому положенію вещей, и при расплывчатой мяг-

котѣлости русскаго народа, замкнутая сплоченность еврейства въ Россіи являлась могучею силою.

Сила эта, именно въ виду ея юридическаго безправія, не могла вылиться иначе, какъ въ силу революціонную, разлагающую напу государственность.

Еврейство вообще склонно быть ржавчиной всякой государственности. Оно незримо, но неустанно разлагаетъ ее. Не имѣя собственнаго государства (территоріи, въ этомъ смыслѣ «отечества»), каждому еврею естественно болѣе улыбается быть «гражданиномъ міра», нежели смиреннымъ подданнымъ той, или иной державы. А быть подданнымъ государства, гдѣ явно афишировалось (какъ въ Россіи) его безправіе и практиковался унижительный процентный учетъ даже на образованность, явно невыносимо.

Русское еврейство естественно стремилось всѣми средствами и усиліями сбросить съ себя ярмо юридическаго рабства. Теперь сами евреи не скрываютъ свое широкое участіе въ дѣлѣ подготовки нашей «великой» революціи.

Одного, искусственно, щегловитовскимъ правосудіемъ, созданнаго, процесса злополучнаго Бейлиса (не говоря уже о предыдущихъ погромахъ), которымъ близорукая власть имѣла въ виду «доканать» все еврейство, было черезъ мѣру достаточно для революціоннаго возбужденія русскаго еврейства.

Если пророчество Достоевскаго сбылось, и евреи «погубили Россію», то остается самымъ русскимъ учестъ этотъ жестокий урокъ исторіи и попробовать воскресить ее.

Одной юридической жестокости и нравственной общественной дряблости для бытія государства, очевидно, недостаточно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Разъ зашла рѣчь о русскомъ еврействѣ, невольно воскрсаетъ въ моей памяти свѣтлый образъ такого «русскаго еврея», какъ А. Я. Пассоверъ, страстно любившаго Россію, ея бытъ, ея литературу. Съ предусмотрительною терпимостью онъ прощалъ ей ея временные недочеты и твердо вѣрилъ въ мирный разсвѣтъ ея свѣтлаго будущаго. Онъ считалъ большой ошибкой со стороны самодержцевъ не дать всѣмъ своимъ подданнымъ основныхъ устоевъ равенства, широкой образованности и законности, что могло бы сразу измѣнить группировку революціонныхъ настроеній въ

имперіи. Поляки, финны, евреи, благодаря своей большой жизненной закаленности, по его мнѣнію, могли явиться гораздо болѣе надежною стѣною противъ крайнихъ революціонныхъ натисковъ, нежели сами русскіе, вообще органически туго понимающіе и воспринимающіе культурность дисциплины. Онъ восторгался Н. Н. Герардомъ, когда тотъ въ качествѣ Финляндскаго генераль-губернатора, послѣ революціи 1904—1906 гг. счумѣлъ въ короткій срокъ завоевать себѣ популярность среди финновъ и добиться безъ дикихъ репрессій умиротворенія края.

Кстати о Н. Н. Герардѣ.

Когда онъ подвергся жестокой травлѣ со стороны «Новаго Времени», именно въ качествѣ Финляндскаго генераль-губернатора, онъ часто бывалъ у меня въ виду процесса «о клеветѣ», который онъ счелъ себя вынужденнымъ повести противъ названной газеты. Раньше нежели начать процессъ, оставаясь еще въ должности генераль-губернатора, онъ рѣшилъ доложить о своемъ намѣреніи Государю, чтобы получить на это его санкцію. Характерно его объясненіе съ царемъ.

На письменномъ столѣ Государя, какъ разъ лежала цѣлая кша номеровъ «Новаго Времени». Герардъ и началъ съ того, что, указавъ на нихъ, выразилъ увѣренность, что царю извѣстны всѣ выпадъ этой газеты противъ его политики въ Финляндіи, причемъ характеризовалъ эти выпадъ, какъ преднамѣренную клевету сторонниковъ иной, чѣмъ онъ, политики обрусѣнія окраинъ. Государь быстро отодвинулъ отъ себя газеты, заявивъ: «я этого не читалъ!» Герардъ не вполне понялъ, что это должно было означать: что онъ вообще не читаетъ «Новаго Времени» или только статей направленныхъ противъ него.

На вопросъ какъ онъ, Государь, отнесся бы къ его намѣренію возбудить публичный судебный процессъ, съ цѣлью установленія въ общественномъ мнѣніи правильнаго государственнаго взгляда на его отношенія въ Финляндіи, царь сказалъ: «да, это было бы хорошо. Вполнѣ одобряю Ваше намѣреніе».

Во время этой аудіенціи и нѣсколькихъ послѣдующихъ Государь былъ, какъ никогда любезенъ и даже ласковъ съ Н. Н. Герардомъ. Онъ интересовался его будущимъ процессомъ, спрашивалъ кто его адвокатъ и каково мнѣніе послѣдняго относительно шансовъ выигрыша процесса.

Н. Н. по его словамъ передалъ Государю въ общихъ чертахъ мой отзывъ о возможной судьбѣ процесса. Дѣла о клеветѣ въ печати судились въ то время короннымъ судомъ, безъ участія при-

сяжныхъ засѣдатель. Съ присяжными процессъ безусловно былъ бы выигранъ, такъ какъ политика Герарда по отношенію Финляндіи была умна, цѣлесообразна и всецѣло отвѣчала общегосударственнымъ интересамъ. Но я опасался Щегловитовскаго давленія на совѣсть коронныхъ судей, которое въ сенсаціонныхъ процессахъ, благодаря подбору судей, уже систематически сказывалось. Вліяніе «Новаго Времени» на прислужниковъ власти было въ то время также очень сильно. Разумѣется, въ устахъ Герарда мой отзывъ получилъ болѣе парламентскую окраску, онъ упомянулъ лишь о томъ, что въ числѣ коронныхъ судей могутъ оказаться убѣжденные противники его политическихъ взглядовъ на задачи Русскаго Правительства по отношенію къ нашимъ окраинамъ.

Тема эта, очевидно, очень заинтересовала Государя. Онъ комфортабельно усадилъ Герарда въ мягкое кресло и сталъ, не спѣша и обстоятельно, бесѣдовать съ нимъ объ этомъ. Резюмированное мнѣніе Н. Н. Герарда по этому вопросу было таково: Финляндія, Польша и Кавказъ явились бы наилучшимъ оплотомъ внѣшней и внутренней безопасности Россіи при условіи надлежащаго отношенія къ нимъ со стороны высшаго Правительства. Финляндія и Польша заслуживали бы полной автономіи, съ сохраненіемъ всевозможныхъ ихъ національных, бытовыхъ чертъ и традицій. Онъ — Н. Н. Герардъ увѣренъ, что, именно при такихъ условіяхъ, Великій Князь Финляндіи и Царь Польскій были бы даже болѣе обезпечены отъ всякихъ революціонныхъ эксцессовъ, нежели самодержавный Государь Россіи.

Царь очень призадумался, ничего не возражалъ и, наконецъ, сказалъ: «благодарю Васъ за полную откровенность. Надо подумать. То, что Вы мнѣ сказали очень серьезно». Въ послѣдующія свиданія Государь уже не возвращался къ той же темѣ, но продолжалъ быть крайне любезнымъ съ Герардомъ, давая понять, что относится къ нему съ большимъ уваженіемъ и довѣріемъ. Кончилось это, однако, довольно скоро неожиданной отставкой Н. Н. Герарда и назначеніемъ Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ вполнѣ ничтожнаго Зейна, поведшаго прежнюю, Бобриковскую политику обрусѣнія.

По поводу увольненія Герарда и оставленія его не у дѣлъ, даже въ качествѣ Члена Государственнаго Совѣта, помнится, Пасоверъ мнѣ сказалъ: «Какое безуміе, лишиться такого государственнаго ума, какъ Н. Н. Герардъ. Я уже послѣ его отставки бесѣдовалъ съ нимъ, его пророчество относительно грядущей судьбы Россіи до жуткости ясно и безнадежно».

На ряду съ этимъ дѣятельность революціонныхъ запѣвалъ въ

нашихъ трехъ государственныхъ думахъ находила себѣ вполне отрицательную оцѣнку у того же Пассовера.

О Винаверѣ онъ иначе не выражался какъ: о «хитроумномъ гомункулусѣ», считая вообще всю партію «кадетовъ» «головастиками», совершенно не знающими и непонимающими Россіи и ея интересовъ. Накрахмаленный англоманъ В. Д. Набоковъ, съ его холостымъ выстрѣломъ: «власть исполнительная, да подчинится власти законодательной», снискавшая ему лавры героическаго либерализма, возбуждалъ въ немъ всегда проницательное замѣчаніе: «попаль пальцемъ въ небо»!

Самъ «незабвенный» предсѣдатель первой Думы, С. А. Муромцевъ съ его требованіемъ, чтобы придворная карета въ Царскомъ Селѣ подавалась ему первому «какъ представителю народа», въ нашей бесѣдѣ съ Александромъ Яковлевичемъ не вызывалъ восторга.

Я замѣтилъ Пассоверу (онъ былъ отличный ходокъ): «Вы, Александръ Яковлевичъ, навѣрно, пошли бы во дворецъ пѣшкомъ», на что онъ отвѣтилъ: «А Вы думаете, что это не было бы куда эффектибѣе, нежели настойчиво и дерзостно выпрашивать милостыню».

Вообще вся дѣятельность первой Думы, съ ея естественнымъ разгономъ, и съ ея противуестественнымъ выборгскимъ воззваніемъ, доказала полное отсутствіе наличности у ея членовъ малѣйшаго политическаго такта и смысла.

Развѣ такъ овладѣвають властью и дѣлаются органически необходимыми для страны и народа? Истинно талантливый артистъ и на шаткихъ подмосткахъ сдумаетъ захватить толпу, только тогда онъ вправѣ оттолкнуть жалкіе подмостки и требовать себѣ болѣе подходящей арены. Но безцѣльно кривляться, когда гонять съ подмостокъ, безтактно и глупо. Таково было «выборгское воззваніе».

Когда я уже послѣ спросилъ Винавера, какъ онъ «умный Винаверъ», затѣялъ это воззваніе, онъ отвѣтилъ: «часовой обязанъ сдѣлать и послѣдній выстрѣлъ, разъ онъ на посту!» «Какъ — возразилъ я — даже холостымъ зарядомъ?» Когда Муромцева спрашивали зачѣмъ и онъ подписалъ это воззваніе, не всегда глубокомысленный Сергѣй Андреевичъ на сей разъ отвѣтилъ чрезвычайно глубокомысленно: «Еже писахъ, писахъ»!

При налаженномъ уже конституціонномъ режимѣ декоративный С. А. Муромцевъ выглядѣлъ бы отличнымъ предсѣдателемъ-законникомъ, но тутъ онъ былъ лишь жалкимъ статистомъ, захва-

ченнымъ странствующей труппой, желавшей революціонировать страну, исключительно ради его почтенной осанки, внушительнаго вида и голоса, и писалъ, и говорилъ все, что ему суфлировали.

Такъ «подписалъ» онъ и выборгское воззваніе.

До чего натискъ печатный и словесный сбивалъ въ то время съ толку людей, повидимому, даже установившихся въ своихъ политическихъ (если только таковыя у нихъ были) взглядахъ, можно отчасти судить по слѣдующему примѣру.

Ө. Н. Плевако, прославленный московскій ораторъ, попалъ во вторую Думу. Любитель русской (даже славянскоі) старины и церковности, казалось бы, имѣлъ же свои, хотя бы бытовыя, если не устои, то вкусы.

Во время думскоі сессіи онъ жилъ въ Петербургѣ и бывалъ у меня. Однажды съ очень озабоченнымъ видомъ онъ ходилъ у меня по кабинету и о чемъ то раздумывалъ. Я его спросилъ, что его такъ заботитъ. Онъ признался, что обдумываетъ форму ограниченія царскаго титула. Извѣстная думская партія желаетъ внести предложеніе о видоизмѣненіи царскаго титула, чтобы подчеркнуть, что онъ уже не абсолютный русскій царь Божіей Милостію, а ограниченный монархъ.

Я широко, вопросительно открылъ на него глаза. Онъ показался мнѣ и очень постарѣвшимъ и какъ бы уже утратившимъ всю свѣжесть своего, если не ума, то талантливости и чутья.

«Что Вы на меня такъ смотрите. Вотъ придумайте, какъ это надо урѣзать...»

«Я бы, наоборотъ, прибавилъ-бы что-нибудь къ прежнему титулу въ ознаменованіе дарованной конституціи — отвѣтилъ я. И царю было бы лестно и цѣль была бы достигнута».

Но Ө. Н., уже достаточно навинченный, не хотѣлъ понять: «Тогда уцѣлѣетъ самодержецъ». —

«И чудесно, на бумагѣ пусть себѣ уцѣлѣваетъ, архивная справка ничему мѣшать не должна, важно фактическое содержаніе и объемъ власти. Чѣмъ меньше даете власти, тѣмъ пышнѣе, усерднѣе, возвеличивайте титулъ Монарха, а не поступайте наоборотъ. Титулъ Монарха любой страны долженъ быть квинтъ-эссенціей его послужнаго списка, не только въ настоящемъ, но и въ прошломъ... И отставнаго генерала Вы называете превосходительствомъ, а вѣдь все его генеральство только въ томъ, что онъ въ казначейство за пенсіей для моціона пѣшкомъ ходитъ».

Ө. Н. задумался, но вскорѣ оживился: «пожалуй Вы правы... Дѣло не въ титулѣ!»

Какъ вырѣшился вопросъ объ ограниченіи царскаго титула